

На обложке: «Город» Алексея Жданова

Ответственный редактор: Дмитрий Строчев

Редколлегия:

Надежда Кохнович, Ольга Маркитантова,
Татьяна Свистунова, Сергей Чернобай

© Минская школа, 2014
© Новые Мехи, 2014
© А. Жданов, наследники, 2014
© Авторы, наследники, 2014
© С. Жданович, 2014

МИНСКАЯ ШКОЛА

АЛЬМАНАХ ПОЭЗИИ
выпуск III

НОВЫЕ МЕХИ
МИНСК 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Мойше Кульбак
Перевод с идиша Семена Аипкина, Юлиана Телесина 9

Эссеистика

Валерий Дымшиц. Мойше Кульбак 27

Поэзия

Валерий Лобко 34

Ян Пробштейн 49

Эпистолярин

Виктор Шкловский — Вениамин Блаженный 66

Арсений Тарковский — Вениамин Блаженный 71

Поэзия

Григорий Марговский 87

Радислав Лапушин 99

Дмитрий Строчев 110

Эссеистика

Григорий Трестман. Как писался «Иов» 123

Наталя Тагур. День поэзии 163

Поэзия

Асонид Шехтман 169

Марк Мерман 182

Критика и эссеистика

Вера Савина. «Это юность моя обжигала меня» 198

Татьяна Алексеева. Пшеничный голос 211

Ольга Маркитантова. Концепция личности
лирической героини в творчестве Елены Казанцевой 223

Поэзия

Таня «Ассоль» Светашёва 231

Андрей Фамицкий 243

Катя Зыкова 253

Георгий Бартош 263

Анна Воронова 275

Критика и эссеистика

Ульяна Верина. «Любительская камера»
Алексея Жданова: поэзия и живопись,
изоляция и неподцензурная общность 291

Евгения Суслова. Обратная жизнь
памяти, или Бешеной повести свидетель 305

Евгения Суслова. «Монах Вера» Дмитрия Строева:
театры горящих форм 312

Поэзия

Адам Глобус

*Перевод с белорусского Светланы Бунинной,
Алексея Парицкова, Дмитрия Мизгулина,
Александра Еременко, Ольги Маркитантовой* 316

Виталь Рыжков

*Перевод с белорусского Тани Светашёвой,
Павла Антипова* 325

Виктор Жибуль

*Перевод с белорусского Тани Светашёвой,
Сергея Чернобая, Надежды Кохнович* 335

Змитер Випнёв

Перевод с белорусского Надежды Кохнович 348

Критика *Архив*

Григорий Трестман, Ким Хадсев.
Когда поэт переводит поэта 360

Поэзия *Гости выпуска*

Дмитрий Дмитриев. Визуальная поэзия 384

Анастасия Афанасьева 390

Евгения Суслова 396

Чарльз Бернстин

*Перевод с английского и примечания
Яна Пробштейна* 407

Приложение

Владимир Володин. Исключение Кима Хадсева
из университета 422

Авторы 431

Владимир Володин

ИСКЛЮЧЕНИЕ КИМА ХАДЕЕВА ИЗ УНИВЕРСИТЕТА

Про Кима Хадеева ходит много разных легенд. К сожалению, пока ни у кого не доходили руки проверить точность этих легенд (а если руки доходили, то результаты проверки не публиковались). Я занимаюсь изучением истории студенчества Беларуси, потому мне ближе студенческий период жизни Кима. Я решил проверить точность сообщений о причинах его исключения из университета и первой «посадки». Это исследование в настоящее время продолжается, но по просьбе Дмитрия Строцева в данной заметке представлены промежуточные результаты разработки темы.

Во-первых, лучше услышать историю не в пересказах, а из уст её главного героя. Вот что говорил об этих событиях сам Ким Хадеев в телепередаче Олега Белоусова «Бар «У Олега»»: «В сорок девятом году в январе [...] был балет Золотарёва, такой драмбалет. [...] Это было государственное мероприятие, это был второй белорусский балет. Нас троих, студентов университета, попросили выступить. [...] И мы выступили. Нас обвинили в формализме и космополитизме. Двое других покаяться. Я, вместо того, чтобы покаяться, на комсомольском собрании факультета — причём сделал это сознательно, не от истерики, я не хотел жить в стране, где от убийства людей переходят к убийству идей, — я выступил с призывом к убийству Сталина. [...] После этого меня ещё месяц держали где-то, наблюдая, есть ли кто-нибудь вокруг меня. Вокруг тогда уже никого не было, потому что только три человека осмеливались со мною здороваться — это известные в Минске Коля Крюковский, Володя Нехамкин и Наум Кислик, который со мной не соглашался

ни в чём, но здоровался. Потом меня направили напрямую, естественно. Но, поскольку выступление было уж слишком чудовищным по тем временам, то меня отправили одного, как нормального психа, в Ленинград. [...] Я тогда получил пятнадцать лет крытки, то есть тюремной психушки, но потом подох Сталин, и через полтора года нас выпустили» (Программа записывалась и вышла в эфир в 2000 году).

Валентин Тарас, который поступил на отделение журналистики филфака БГУ в 1950 году, вспоминает имя Хадеева в более широком контексте, когда рассказывает о кампании по «борьбе с космополитизмом»: «Ва аўдыторыях БДУ 1950 году гучэла рэха году мінулага, 1949-га, калі грамілі ўнівэрсытэцкіх «бязродных касмапалітаў». Пра аднаго зь іх, дацэнта Барага, хлопцы са старэйшых курсаў распавядалі як пра найлеспшага выкладчыка філфаку. [...] Але ў Барага быў адзін вялікі мінус: ён быў габрэй, што аўтаматычна далучала чалавека да «каспапалітаў». [...] Распавядалі старшакурсьнікі і пра нечуванае: калі Барага і яшчэ некалькіх «каспапалітаў» звольнілі з працы, у апошні дзень іхняга знаходжаньня ў БДУ група студэнтаў дэманстрацыйна паднесла ім кветкі і праводзіла аплядысмантэмі. Завадатарам акцыі быў студэнт філасофскага аддзяленьня гістарычнага факультэту Кім Хадзееў, пра якога дагэтуль ходзяць легенды як ледзь не пра дысыдэнта тых ідэйна-прыпадочных гадоў. Нездзе на другім ці трэцім курсе я пазнаёміўся з Хадзеевым, пэўны час быў у ягонай кампаніі. Ён быў хлопец надзвычай начытаны, як той казаў, сапраўдны «кніжны чарвяк», выказваўся даволі сьмела, дзёрзка. Пасьля акцыі з кветкамі «каспапалітам» Кіма выключылі з унівэрсытэту, ім заняўся КДБ. Аднак не пасадзілі. Напэўна, таму, што Кім быў на ўліку ў псіханэўралягічным дыспансэры. Хоць, гэта я ведаю дакладна, псіхічна хворым, вар'ятам у літаральным сэнсе ён ня быў, — так, нейкія адхіленьні ў псіхіцы, павышаная нэрвовасьць, блізкая да фанатызму апантанасьць тою ці іншай ідэяй. Празь нейкі час яго аднавілі ў правах студэнта БДУ»¹. Далёс ешчэ на про-

¹ Тарас, Валянцін. На высьпе ўспамінаў. Вільня, 2007. С. 316-317.

тяжении нескольких абзацев Валентин Тарас обсуждает личность Кима Хадеева, но нашей истории это напрямую не касается.

Насчёт «посадили» — «не посадили» ничего определённого пока сообщить не могу. А вот аплодисменты доценту Барагу при чтении последней лекции упоминаются и в архивных документах. Только сомнительно, чтобы Ким Хадеев имел отношение к их организации — скорее всего, в те дни он уже был отчислен.

Некоторые касающиеся Кима Хадеева документы удалось отыскать в фонде 205 (Белорусский государственный университет) Национального архива Республики Беларусь (далее — НАРБ). В частности, сохранился приказ ректора №50 от 11 марта 1949 года, в §2 которого написано: «Адлічыць з 1.ІІІ.1949 г. з ліку студэнтаў ІІІ курса Філалагічнага факультэта тав. Хадзэява Кіма Іванавіча за сыстэматычнае нснавядванне заняткаў. Падстава: Дакладная дэкана філфака»¹. Формулировка, как видим, чрезвычайно отвлечённая. На всякий случай замечу, что ранее Хадеев не получал взысканий за прогулы, а буквально за месяц до этого приказом ректора №24-а от 2 февраля 1949 г. Хадееву, среди прочих студентов, по результатам зимней экзаменационной сессии была назначена стипендия отличника².

Имя Хадеева встречается в некоторых других приказах ректора (перевод с курса на курс, назначение стипендии). Встречается оно и в протоколах заседаний секции филологических наук отчётной научной сессии университета: Ким Хадеев, среди других студентов, присутствовал на обоих заседаниях секции — 24 и 25 февраля 1949 года³.

Что ж, в «беспартийной» части фонда университета упоминаний о Хадееве в год его исключения немного, и они не слишком развёрнутые. А вот когда я перешёл к делам из партийной описи (ф. 205, оп. 16), то упоминания стали куда более подробными. Так, на открытом партийном собрании БГУ 9 марта 1949 года обсужда-

¹ НАРБ. Ф. 205, воп. 6, стр. 32, арк. 105.

² НАРБ. Ф. 205, воп. 6, стр. 32, арк. 31.

³ НАРБ. Ф. 205, воп. 6, стр. 39, арк. 43, 48.

ли результаты XIX съезда КП(б)Б и оплёвывали «космополитов». Больше всего досталось доценту кафедры русской литературы Льву Барагу (вскоре его выгонят из университета). Вспомнили и нашего героя. Так, студент О. Лившиц заявил: «XIX Съезд партии проходил в исторические дни, когда партийной печатью были вскрыты враги народа, вредившие нам в области нашего искусства и литературы, которые глумились над нашей советской действительностью и, воспевая все реакционное, старались всести наш народ назад. Этим врагам у нас в Университете нашлись подпевалы. Я имсю ввиду так называемого студента Ходеева, который в беседах со студентами и в своих выступлениях с циничной наглостью клеветал на лучших представителей русской, советской литературы — Горького, Ал. Толстого, превознося в то же время таких реакционеров, как Победоносцева, Мережковского и др.

После появления в партийной печати статей, разоблачающих космополитов, Ходеев начал выискивать «цитаты», пытаясь реабилитировать этих врагов нашего общества.

На филфаке этому Ходееву предоставляли широкий простор для его враждебной деятельности. Несмотря на имевшиеся сигналы, ни деканат факультета, ни комсомольская организация не занялись этим типом. Наоборот, тов. Базыленко ратовала, чтобы бредовой доклад этого Ходеева был включен в повестку для научной сессии. У Ходеева имсются и единомышленники. Я имею ввиду коммуниста Шлыка. Я считаю, что таким лже-студентам не место в Университете»¹. Анна Мартыновна Базыленко работала старшим преподавателем на кафедре русского языка и общего языкознания.

Студент IV курса химического факультета, член партии с 1948 года Александр Шлык занимался ритуальным самобичеванием и оправдывался: «Выступая в театре оперы и балета на обсуждении спектакля «Князь-озеро», я допустил ряд серьезных политических ошибок. К оценке балета я подошел с точки зрения эстетствующего формалиста. Я недопустимо критиковал либретто

¹ НАРБ. Ф. 205, воп. 16, стр. 17, арк. 17-18.

балета за то, что оно «шибко революционно». Но в данном случае я имел в виду введение в балет небалстных сцен. Я просто допустил путаное выражение. О Ходсеев: с Ходеевым я нахожусь близко, в товариществе. Я считал, что несоветские высказывания его носят только характер оригинальничанья. Но сейчас я заявляю, что у него не наше, не советское мировоззрение. Такого человека нет надобности держать в Университете. Мне хотелось бы сказать, что я не единомышленник Ходсеева. Я был единомышленником только в выступлении»¹.

Студент II курса отделения журналистики, секретарь комсомольского бюро филфака А. Качеровский (или Кочаровский — документы дают разное написание) дополнил: «Наша задача — искоренять космополитов, так как они мешают нашему народу идти к коммунизму. Студенты возмущены поведением Шлыка и Ходеева на обсуждении балета «Князь-озеро». Ходеев пользовался в Университете чьим-то покровительством, не посещал занятия, сдавал экзамены как экстерн и в то же время получал индивидуальную стипендию. Ходсеев все время проводил в библиотеке имени Ленина за чтением реакционных книг, которыми его снабжали некоторые работники. Известно, что в быту он ведет себя по-барски, с пренебрежением относится к товарищам. Большая вина комсомольской и партийной организации, что позволили Ходсееву свирепствовать на факультете. Студенты филологического факультета просят убрать его из университета»². Как мы уже знаем, Ходсеева вскоре убрали.

Далее идёт комсомольская опись (ф. 205, оп. 18). На III комсомольской конференции университета 16 октября 1949 года в отчёте о работе комитета АКСМБ БГУ за год секретарь комитета комсомола БГУ, аспирант химфака А. Вашкевич говорил: «Комитет комсомола и бюро филологического факультета недостаточно уделяли внимания работе среди несоюзной молодежи. Только этим можно объяснить тот факт, что в университете более двух лет числился студентом и получал стипендию некий Хадеев, который не

¹ НАРБ. Ф. 205, воп. 16, спр. 17, арк. 21-22.

² НАРБ. Ф. 205, воп. 16, спр. 17, арк. 23.

работал ни в одной общественной организации, не являлся членом их, не посещал занятия. В результате этого он пал так низко, что потерял моральные качества, присущие советскому человеку»¹. Отметим, что, если верить этому отчёту, Хадеев не был комсомольцем. Можно сказать, учитывая партийных родителей Кима, что этот факт свидетельствует о его политических взглядах. Под другими (кроме комсомола) «общественными организациями» имеются в виду «добровольные» общества помощи армии, авиации и флоту и подобные.

В том же докладе указывается, кто ещё, кроме Хадеева и Шлыка, «не по-советски» выступил на обсуждении балета: «Были прослушаны и обсуждены: опера «Дубровский» и балет «Князь-озеро» в постановке театра оперы и балета. Надо отметить, что обсуждение оперы и балета плохо готовилось и в результате были допущены явно формалистические выступления студентами университета Шлыком и Колапачи»². Это та Розита (Роза) Колапачи, которая фигурирует в воспоминаниях Валентина Тараса.

Чуть ранее фамилию Хадеева склонял всё тот же Качеровский в докладе на отчётно-выборном собрании комсомольцев филологического факультета БГУ 6 октября 1949 г.: «Некоторые научные руководители кружков формально относились к своим обязанностям, и такое отношение часто приводило к печальным последствиям. Так получилось, что формалистический доклад бывшего студента Хадеева был вынесен на студенческую конференцию. Доклад этот был подвергнут резкой критике со стороны преподавателей и студентов, однако руководитель кружка тов. Базыленко протаскивала доклад на конференцию»³.

И далее:

«Комсомольцы факультета разоблачили некоего студента Хадеева. Хадеев в своих высказываниях и докладе, ошибочно представленном на научную студенческую конференцию, охаивал советских писателей, умаляя значение русской и советской литературы. Око-

¹ НАРБ. Ф. 205, воп. 18, спр. 4, арк. 35-36.

² НАРБ. Ф. 205, воп. 18, спр. 4, арк. 42.

³ НАРБ. Ф. 205, воп. 18, спр. 7, арк. 11.

ло двух лет он числился студентом нашего факультета, не посещал занятия, не принимал никакого участия в общественной жизни университета. Только притуплением бдительности наших комсомольцев и общественных организаций можно объяснить тот факт, что он числился студентом факультета.

По требованию студенчества Хадеев был отчислен из университета.

После всего этого на курсах были проведены собрания и беседы, где разъяснялись решения партийных собраний»¹.

Интересен также рукописный протокол закрытого комсомольского собрания филологического факультета БГУ 3 марта 1949 года, на котором с докладом о результатах XVI съезда АКСМБ выступил секретарь ЦК АКСМБ Пётр Машеров. На этом собрании также поднимался вопрос выступлений Хадеева, Шлыка и Колпакчи на обсуждении балета «Князь-озеро». А студент III курса отделения логики, психологии и русского языка (было такое отделение на филфаке) Николай Галенко подробнее рассказал о докладе Кима Хадеева: «В докладе ст. Хадеева о книге Полевых «Повесть о настоящем человеке» есть слова: «Маяковский является восклицательный знак плюс глагол». Так творчество гениального поэта приравнивается к глаголу. «Маяковский — сапог рабочего класса», — заявляет далее докладчик. Все студенты критиковали доклад, но А. М. Базиленко выступила с защитой доклада. Вот к чему приводит реферирование книг. Грош цена такой научной работе. А захваливание доклада научными работниками только путает студентов»².

Попала фамилия Кима не только на страницы протоколов партийных и комсомольских собраний, но и в университетскую многотиражку «За сталинские кадры». Там его, правда, называли «Хадзевичам»³.

¹ НАРБ. Ф. 205, воп. 18, спр. 7, арк. 14.

² НАРБ. Ф. 205, воп. 18, спр. 6, арк. 17.

³ По: Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў / А. А. Яноўскі, А. Г. Зельскі. Мінск, 2001. С. 105. К сожалению, подшивки газеты «За сталинские кадры» нет в библиотеках Минска, поэтому приходится ссылаться на книгу.

Как видим, нигде не встречается подтверждения словам Хадеева (и распространённой с его слов легенде), что он допустил антисталинские высказывания на комсомольском собрании. Но это ещё не значит, что таких высказываний не было. Дело в том, что слишком доверять архивным документам, особенно сталинских времён, нет особых оснований. Информация, которая попадала в документы, тщательно фильтровалась через самоцензуру и внешнюю цензуру. Устное свидетельство современника событий может быть более точным. Лучше всего было бы проверить слова Хадеева памятью других студентов филфака той поры. Это — одна из задач для продолжения исследования.

Зато по архивным документам ясно видно, что исключение Кима Хадеева из университета происходило на фоне антисемитской кампании по «борьбе с космополитизмом». Эта кампания составляет отдельный большой сюжет как истории БГУ, так и истории искусства и науки Беларуси. В БГУ она велась наиболее активно именно на филфаке. «Борьба с безродным космополитизмом и эстетствующим формализмом» в Минске — это тема, достойная отдельного большого междисциплинарного исследования (она касалась и литературы, и музыки, и театра, и живописи, и фольклористики, и литературной критики, и музыковедения). Но об этом — как-нибудь в следующий раз.